

Драматург А.П.Штейн любил мосссоветовский спектакль «Аплодисменты», он полностью принял мою работу, что с благодарностью зафиксировал в надписях на подаренных мне своих книгах.

Это была моя первая встреча с драматургией А.Штейна.

После розовского «Затейника» он предложил И.Вульф свою пьесу «Аплодисменты». Кстати, Розова и Штейна связывали очень добрые дружеские отношения. Позднее, после премьеры «Поющих песков» Штейна, в «Литературной газете» В.С.Розов откликнулся очень теплой рецензией на спектакль. Пьеса «Аплодисменты» явилась для нас неожиданно стоящей особняком от привычной для нас драматургии этого автора.

Пьеса о театре, с проблемой смены поколений, о взаимоотношениях людей театра. А тема «управленцев от искусства» была резко обозначена и предполагала довольно сатирическое звучание. На первом плане были взаимоотношения Отца и Сына. Отец — руководитель

старого Академического театра. Сын — нового молодежного театра. Эту пару играли Р.Плятт и я. В.Марецкая — преданную спутницу Плятта — стареющую многоопытную актрису. В спектакле играли замечательные артисты — Т.Бестаева, Н.Дробышева, В.Талызина и, конечно, И.Саввина, блистательно изобразившая наивно-тупую и беспредельно злобную даму — воплощение местного театрального начальства. Замечательно решила И.С.Вульф начало спектакля. После открытия занавеса зритель видел совершенно пустую, раздетую от декораций сцену.

Полуспущенные сверху фонари, случайно оставленные лестницы, ведущие почти под колосники, кирпичная стена, на самом верху длинная дорожка, на которой осветители обычно правят свет на завтрашний спектакль. Спящий театр. И вдруг тревожные музыкальные аккорды, фонари начинают мелькать, подмигивать светящимися глазами, возникает какое-то мистическое движение. Из мрака возникает одиноко-статичная фигура Плятта. В тревожных аккордах вдруг начинает отчетливо звучать тема «Вражды» великого С.Прокофьева из «Ромео и Джульетты». На верхней дорожке у самых фонарей мы видим стремительно летящую фигуру. Молодой человек как бы врывается в этот спящий театр, стремясь нарушить его усталый покой. Вот он бежит вниз по этим шатким театральным лестницам и почти вплотную, лицо в лицо, останавливается возле одиноко стоящего человека.

Отец и Сын — они пристально смотрят друг другу в глаза, мучительно пытаюсь понять, что ждет каждого из них в этом призрачном и великом мире театра.

Мне нравилось играть с Пляттом. Он играл здесь жестко и конкретно. В нашем дуэте я приятно ощущал те знаменитые «петельку и крючочек», которыми так гордились старики Малого театра. А знаменитая пляттовская реплика в этой роли: «Сейчас пойду по диагонали!» — предполагала веселую импровизацию и актерское баловство, что настораживало, но, в конечном счете, радовало режиссера Ирину Вульф.

Был у меня в середине спектакля и огромный монолог, как говорится, испытание на мастерство. Когда мой

герой Эраст Небогатов, оставшись один на сцене, размышлял о верности и предательстве, о чести и мелочности поступков, о добре и любви. Это был финал акта, и в зале всегда звучали аплодисменты, подкрепляемые криками «браво!» моих почитателей.

Когда закрывался занавес, коллеги шутили, что я мог бы, как в старом театре, по нескольку раз выползать перед занавесом на поклоны.

Был в спектакле и вставной номер — фрагмент из пьесы Б.Брехта «Галилео Галилей», который И.С.Вульф поручила режиссировать мне. Это был первый постановочный опыт для моих дальнейших режиссерских экспериментов, поддержанных Ириной Сергеевной.

Спектакль вызвал огромный интерес у публики. Об этом подробно пишет в своей книге и А.Штейн. Но интерес к спектаклю проявляли и руководители Главка и Министерства культуры. Им все казалось, что чего-то они «не доглядели». Руководству театра периодически предлагали смягчить «акценты». На каких-то министерских коллегиях ставился вопрос о снятии спектакля с репертуара. Мстили за дерзость. Мстили за успех. К счастью, несколько сезонов спектакль жил своей яркой, насыщенной жизнью.